

Судья театр  
Будет полифонический драм

НАУКА ДЛЯ ИСКУССТВА

# Хотя никто не против

Изобретения московского режиссера, которое называют зрелищем будущего, обещают внедрить только через десять лет. Надо ли ждать так долго!

**ИЗОБРЕТЕНИЕ...** режиссера? Сразу подумалось: сочетание этих двух слов, пожалуй, скорее подошло бы для рекламы, где звучало бы в кривическом смысле — вот, мол, до чего человек дошел, до изобретения... Между тем речь пойдет о работе, в которой Государственный комитет по делам изобретений и открытий СССР отнесся вполне серьезно, увидев в ней необходимые качества новизны и актуальности. В общем вышло так, что главный режиссер и директор Московского театра полифонического драмы Геннадий Юденич Киселья выступил в златотелом пламя изобретателя. Но о хлопотах позже. Сначала — о театре, название которого не то что гости столицы — а старожила-то неизвестно. Что же это за драма такая полифоническая? Разве «полифония» (как художественное, содержательное многообразие) не свойственна драме вообще? С этих вопросов, так сказать, «от почочки», и началась наша беседа с Г. Юденичем.

— Драм у нас двух видов. Обычные театральные, которые можно репетировать и играть перед зрителями. И не совсем обычные, живые, которые равняются по всему сложному, непредсказуемому сложиту, без репетиций и зрителей, — словом, так и бывает в изобретательском деле.

Итак, о театре. Может быть, слово «полифоническая» — не самое удачное в названии, но суть не в слове. Хотелось как-то отразить главную особенность нашего театра: стремление органически соединить различные возможности и театра, и кино, и телевидения, и, понятно, музыки, живописи...

Острота, свежест зрительского восприятия всегда обусловлены не только уровнем литературной основы зрелища, мастерством постановщика и актеров, но и возможностями техники. Появление новой техники, новой технологии расширяет возможности искусства. Прямолинейно новая технология — например, так было когда-то с появлением кино, а потом телевидения, — создает в принципиально новое зрелище.

— Что же у вас нового? Те же театр, кино и телевидение. — Не только вместе, вместе, вот в чем штука! Тут возникает нечто новое, сложный и глубокий психоэмоциональный эффект. Но мне бы не хотелось подробно расписывать в газете технологию. Сразу ясно: соединившись, все виды искусства дают некое новое качество, позволяет создавать объемную иллюзию пространства — в отличие от плоскостности, примененная разное.

— Значит, зрительские впечатления уже новы? — Безусловно. Здесь зритель оказывается внутри художественного пространства, он максимально включен в действие спектакля. Недавно же нас поддерживали ученые из Академии наук СССР — они вполне говорят о значительно более сильном эмоционально-психологическом воздействии живой технологии. Она дает возможность решать в любые творческие задачи. Режиссер может уловить и детализировать любой план. Скажем, в театре зритель не видит (без бинокля, во всяком случае) глаз, тонкостей мимики актера, а тут — телекамерой можно вести параллельный монтаж.

— Но для создания спектаклей, которые соответствовали бы всей этой театрально-кино-телевизионной технологии, видимо, нужна и особая драматургия? — Полагаю, можно ставить — от классических пьес до самых современных. Но такое мощное зрелище, а бы сказать, вооружение кино и использовать, что называется, на все сто. Мне, как режиссеру, хочется ставить здесь прежде всего динамичные остроумные пьесы, художественную публицистику, политическую драму... Исполняя средства те-

атехнически, его возможности прямого общения с любой точкой планеты, мы могли бы ставить оперативные политические спектакли — отклики на события, происшедшие буквально вчера.

Словом, речь должна идти о широком, а высшей степени декоративном зрелище. Именно зрелище, а не кино театре, потому что возможность новой технологии очень широка: ее с одинаковым успехом пробуют применить и в качестве тренажера, а как обучающее средство. А поскольку все основано на компьютерной программе, которую или в записи передаются и могут просматриваться в меньшем по масштабу, но тоже специально оборудованных районных, городских, вузовских или межшкольных учреждениях.

— Таким образом, те, что вы делаете, это не просто видение будущего, а нечто принципиально новое и зрелищное?

— Так говорят все, это поощряемые поэмы — четыре-пять коротких отрывков из спектаклей, которые играли наши коллективы еще в своем прежнем качестве — экспериментального театра-студии. Всем нравятся наши идеи и возможности, открываемые новой технологией. Но пока получается так, будто мы сохранили выключенными еще до того, как сыграть хотя бы один спектакль. Причем не знаем, когда и где мы его будем играть...

— ВЕРЕМ на этом интервью с режиссером Юденичем, потому что пора сказать о хлопотах и мучительства Юденича-изобретателя.

Официально полифонический театр был создан два года назад и передан в подчинение Главного управления культуры Московской области. В соответствии постановлений Министерства культуры СССР и исполкома Моссовета намечались меры по развитию материально-технической базы театра. Однако оно до сих пор не выполнено. И комитетом изобретателей вступил в контакт с Бюро по Большому Харитоньевскому переулку, где лет на сцене, в зрительском зале. Обещавшее строительство нового здания не только не началось — даже площадка под него еще не отведена. Паркеры № 1 и № 2, которые изначально были решены отдать театру для сооружения макета в масштабе 1:1 в отработку технологии, по-прежнему заняты Всесоюзной торговой-промышленной палатой.

Единственное, что происходит в театре — демонстрация канюхики является все новым и новым работникам различных ведомств. Макеты производят впечатление. Идея Юденича тоже. Никто не высказывается против. Но эта позиция «встретившая не продвигает дела.

— Мы, конечно, имеем право, чтобы в Москве появились новые театры, — сказала заместитель председателя исполкома Моссовета И. Булгаев. — Но вначале нам надо решить вопросы с МАТОР, Мильем, Цыганским театрами, с концертным залом в саду имени Баумана. Остро нужны молодежные студии при театрах... А с этим коллективом — ну что ж, в августе будет отведена площадка, в нынешней пятиэтажке начнем проектировать, а следующей — строить.

Нет, мы не собираемся восстанавливать Московскому Совету, где, что и в какой последовательности строить — это в полной мере prerogative столь авторитетного органа. Но, частное слово, будет очень обидно, если родившись у нас изобретение, — как это не раз бывало и прежде, — получит тушеву в жизни где-нибудь не у нас. И вопрос сегодня, думается, должен быть поставлен так: почему же новое, перспективное дело поставлено в самый хвост строительной очереди?

В. ВЕНИЦИНА,  
[Спец. корр. «Труд»],  
МОСКВА.